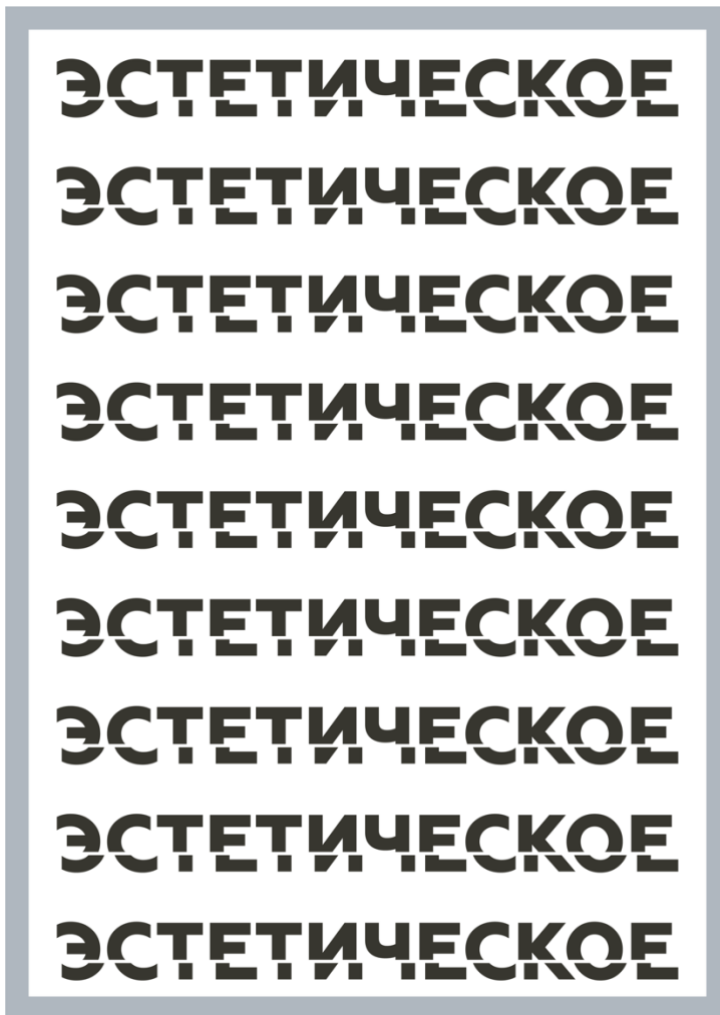

Искусство есть способ созерцания вещей независимо от закона основания» (Шопенгауэр), или идеальная нить Ариадны через лабиринт индивидуальности и конечных форм явлений

Дарья Измайлова (образовательная программа «Философия»)

В третьей книге «Мира как воли и представления» Шопенгауэр отдается рассмотрению места и роли искусства в познавательных способностях субъекта. По итогу его рассуждений выстраивается очень занимательное понимание искусства как в отношении самого творческого субъекта, так и с позиции воспринимающего произведения искусства (или же какого-то иного, происходящего из самой природы возвышенного и прекрасного) наблюдателя. Оно представляется как некая путеводная, направляющая нить к области трансцендентального. Она дает возможность субъекту познания перейти к чему-то большему, нежели обычная наличная мировая феноменальность, возвысится к чему-то превышающему имманентность индивидуальной личности или данных явлений.

Искусство, – пишет Шопенгауэр, – «воспроизводит постигнутые чистым созерцанием вечные идеи...»¹. Так, в случае подлинного эстетического восприятия, человек созерцает не просто эмпирические объекты, – данные ему в привычной действительности, в знакомой сетке

¹ Шопенгауэр А. Мир как воля и представление / Собр. соч.: в 6 т.; под ред. А. Чанышева. М.: Республика; Дмитрий Сечин, 2015. С. 164.

Искусство есть способ созерцания вещей независимо от закона основания...

семантических, аксиологических и прочих координат, а также существующие по обыденным научно познаваемым закономерностям, – но он созерцает идеи. Имея дело не с привычными отношениями и связями между вещами, человек здесь не пытается найти ответы на вопросы «где?», «почему?», «когда?» и «зачем?», но непосредственно проникает в «что?», в идеальный смысл явлений. Здесь для субъекта становятся безразличными все конечные, ограничивающие, индивидуализирующие измерения и формы закона основания. Его не интересуют ни пространственно-временные, ни собственно интеллектуальные, понятийные стороны объекта познания. Таким образом, преодолевается индивидуальная природа самого субъекта познания. Искусство в своей гносеологической функции представляется Шопенгауэру наиболее совершенным и единственно подлинным видом познания. По сравнению с ним обыденное знание и наука ограничиваются «лишь случайной формой явления идеи», они слишком зависимы от определений мировой воли.

В данной связи нужно сказать еще об одном аспекте надындивидуального характера искусства. В философской системе Шопенгауэра весь феноменальный мир представляет собой объективацию мировой воли, которая собственно является вещью самой по себе. Идеи же, истинный объект познания чистого субъекта посредством эстетического созерцания, являются собой промежуточную ступень между волей (миром как воля) и индивидуальными, множественными, конечными и изменчивыми вещами в опыте (миром как представление). Переходя от восприятия обыденных конкретных вещей к познанию идей, субъект освобождается от служения и подчинения воле и тем самым становится независимым от каких-либо конкретных желаний, импульсов и склонностей, свойственных индивидуальному субъекту. Такой субъект является «безвольным», поскольку более не обуславливается, не ограничивается и не формируется явлениями воли, воплощенными в индивидуальной воле самого субъекта. Тем самым он погружается в незаинтересованное созерцание объекта своего познания, не продиктованное какими-либо потребностями и мотивами. Проводя аналогию со зрением, которое само по себе еще не производит никаких ощущений удовольствия или неудовольствия в субъекте, Шопенгауэр характеризует искусство как такой способ познания, который свободен от всякого аффицирования воли. Только посредством вторичной обработки рассудком эстетическое созерцание может стать звеном цепи, тянущейся от мировой воли к

Искусство есть способ созерцания вещей независимо от закона основания...

возбуждению ощущения страдания или чувственного наслаждения. Самому по себе чистому субъекту «уже безразлично, смотреть на заход солнца из темницы или из чертога».² Обращаясь к вокабуляру философии И. Канта, можно сказать, что в данном чистом созерцании происходит растворение эмпирического субъекта.

Только такое познание и такую экзистенцию можно посчитать по-настоящему свободной. Оно независимо от контингентности данного мира и индивидуального субъекта, поскольку не подчинено воле: не преследует его интересы, не прислушивается к его зовам и не руководствуется конечными компульсиями. А, следовательно, оно не ограничивается и частными, замкнутыми формами объективации воли, формами закона основания. Субъект и объект чистого эстетического познания буквально находятся за пределами обычных связей между вещами, вне «мирового потока», вне его обусловленности.

В способности достигать такого состояния безусловности, в способности становиться и быть таким чистым субъектом проявляется причастность конкретного человека к гениальности. Настоящему гению присуще умение наиболее полно, последовательно и длительно пребывать в отрешении от собственной личности. Он наиболее предрасположен к тому, чтобы оставлять без внимания множественные проявления закона основания и размывать границы субъективной идентичности, освобождаться от ограничений индивидуального бытия. Он освещает и высвечивает лучами чистого познания темные пятна мира как представления и раздвигает стены, воздвигаемые вокруг индивидуального эмпирического субъекта возбуждением и проявлением воли.

Такого рода деиндивидуация и возвышение субъекта над уровнем феноменальности связаны, помимо всего прочего, с исчезновением, лишением значения субъектно-объектной дихотомии. В чистом познании идей, в эстетическом созерцании действительно прекрасного или возвышенного, субъект растворяется в объекте, достигая с последним гармоничного единства, в котором не только не проявляются детерминации воления, но также и представляется невозможным ясно отличить самого созерцающего субъекта от созерцаемых им идей. Таким образом достигается уровень единственно «адекватной» и «непосредственной

² Шопенгауэр А. Мир как воля и представление / Собр. соч.: в 6 т.; под ред. А. Чанышева. М.: Республика; Дмитрий Сечин, 2015. С. 174

Искусство есть способ созерцания вещей независимо от закона основания...

объектности воли»³, не замутненной формами конечной индивидуации или условностями познания через закон основания. В созерцаемых идеях чистый безвольный субъект находит «только существенное всех этих ступеней ее [воли] объективации»⁴, а вовсе не контингентные или хаотичные их проявления, и лишь в их познании гением подлинный мир как представление достигается в своей чистоте и полноте.

Подводя итог рассмотрению эстетического созерцания в философии Шопенгауэра, можно сказать, что обращение к искусству как к особому способу познания позволяет человеку испытать по-настоящему трансгрессивный опыт. Искусство позволяет (хотя бы ненадолго) эмансипировать человека, освободить его от привычных и навязываемых компульсиями воли форм реагирования, восприятия и мышления. Эстетическое созерцание открывает человеку сокрытое за обыденными условиями идеальное измерение, бесконечный мир альтернатив имманентно данному. Оно предполагает отрешение от собственной личности, от сковывающей индивидуальности, и выведение сознающего субъекта на уровень трансцендентального. Не уверена, что можно провести полноценное отождествление между уровнем «адекватной объектности воли», или безвольно познающего идеи субъекта, и кантовским трансцендентальным субъектом. Пожалуй, учитывая то, что через эстетическое созерцание чистый субъект не только приходит к осознанию контингентности и ограниченности собственных форм познания и существования, но и выводится на высший уровень незаинтересованного познания вне данных форм (иначе говоря, как уже упоминалось ранее, утрачивается эмпирический индивидуальный субъект), скорее, следует сказать, что такой субъект представляет из себя нечто даже большее, чем субъект трансцендентальный. Будучи уже не подчиненным познавательным формам, связанным со служением мировой воле или законом основания, он по своей природе ближе чему-то вроде чистого и абсолютного cogito.

Библиография

³ Шопенгауэр А. Мир как воля и представление / Собр. соч.: в 6 т.; под ред. А. Чанышева. М.: Республика; Дмитрий Сечин, 2015. С. 157

⁴ Там же. С. 162.

Искусство есть способ созерцания вещей независимо от закона основания...

Шопенгауэр А. Мир как воля и представление / Собр. соч.: в 6 т.; под ред. А. Чанышева. М.: Республика; Дмитрий Сечин, 2015.